

48 Тотемская ЦБ

ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ

ОРГАН ТОТЕМСКОГО РАЙКОМА КПСС И РАЙОННОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Газета издается с декабря 1929 года ● № 151—152 (8556—8557) ● ЧЕТВЕРГ, 21 декабря 1989 года ● Цена 4 коп.

Ю *
Б В
И Л
Л В
Е П
Й С
Н К
Ы
И *

В: КАНДИДАТЫ— ДОСТОЙНЫХ

Продолжаем публикацию кандидатов в народные депутаты местных Советов, выдвинутых трудовыми коллективами района.

В областной Совет народных депутатов выдвинуты: по избирательному округу № 170 В. В. Чайка, военнослужащий — от собрания военнослужащих, по избирательному округу № 173 Н. К. Рычков, второй секретарь райкома КПСС — от коллектива колхоза «Мосеево» и РОВД по избирательному округу № 171 В. М. Дмитриев, первый секретарь райкома КПСС — от коллектива колхоза «Память Ленина», по избирательному округу № 173 Ю. П. Зайцев, инженер телецеха № 4, — от коллектива нижнего склада Питовского лесопункта.

В районный Совет выдвинуты: по избирательному округу № 3 Р. И. Козлов, председатель правления райотребсоюза — от коллектива правления, оптовой базы и заготовительной конторы, по избирательному округу № 5 Н. П. Корякина, вальцовщица трикотажного ателье — от коллектива трикотажного ателье РПО БО, по избирательному округу № 8 В. Е. Забурунов, военнослужащий — от собрания военных дорожников, по избирательному округу № 12 Н. П. Гладковский, заместитель начальника РОВД — от коллектива РОВД, по избирательному округу № 16 В. А. Попов, экскаваторщик ПМК-15 — от коллектива ПМК-15, по избирательному округу № 19 Н. В. Слободина, председатель исполкома Великодворского сельского Совета народных депутатов и директор Великодворской неполной средней школы А. А. Огарков — от коллектива цеха животноводства колхоза «Великодворье», по избирательному округу № 27 В. В. Ерехинский, директор Устьюлименской неполной средней школы и медработник профилактория колхоза «Сигнал» З. П. Жданова — от коллектива цеха механизации колхоза «Сигнал», по избирательному округу № 33 А. В. Гладковская, председатель исполкома Мосеевского сельского Совета народных депутатов и секретарь парткома колхоза «Мосеево» В. К. Цикина — от трудового коллектива колхоза «Мосеево», по избирательному округу № 46 Н. Г. Слободина, заведующая ветбаклабораторией — от райкома профсоюза работников агропрома, по избирательному округу № 51 Н. К. Рычков, второй секретарь райкома КПСС — от собрания во-

еннослужащих, по избирательному округу № 53 В. В. Винокуров, председатель правления АПО «Тотемское» — от райкома профсоюза работников агропрома.

В городской Совет народных депутатов выдвинуты: по избирательному округу № 3 Т. А. Осолыхина, пенсионерка — от президиума совета ветеранов войны и труда, по избирательному округу № 13 А. А. Рычков, директор средней школы № 1 — от коллектива учителей школы, по избирательному округу № 14 Б. К. Кишиев, военнослужащий — от собрания военнослужащих, по избирательному округу № 17 Б. Д. Попов, ветеран войны и труда — от президиума районного совета ветеранов войны и труда, по избирательному округу № 18 Н. А. Ившукова, бухгалтер Тотемского отделения Сбербанка — от коллектива Тотемского отделения Сбербанка, по избирательному округу № 19 М. И. Колесников, начальник РОВД — от коллектива РОВД, по избирательному округу № 23 Н. П. Первушинская, инженер по кадрам ремонтно-технического кооператива — от райкома профсоюза работников агропрома.

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Нашей районной газете «Ленинское знамя» исполняется 60 лет. Возраст, как говорят, пенсионный, но газета «выглядит молодо». Молодость ее навеяна перестройкой, свежим весенним ветром 1985 года.

За свои 60 лет газета завоевала популярность и признательность жителей района. Подтверждением тому является и ежегодное увеличение числа подписчиков, и расширение числа внешних корреспондентов, и рост активности в обсуждении публикуемых материалов.

Мы чувствуем сегодня, насколько активнее читатели обсуждают материалы газет, посвященные сельскохозяйственному производству, положению дел в культуре, спорте, здравоохранении, воспитании подрастающего поколения.

Редакционный коллектив способствует внедрению в производство новых форм хозяйствования, ведет постоянную работу по разъяснению сущности и значимости экономической реформы.

Более настойчиво, глубоко стала показываться повседневная жизнь партийных организаций, коммунисты открыто высказывают свои предложения в защиту партии. Действенное становятся материалы о работе местных Советов народных депутатов, комсомола, других общественных формирований.

С большим интересом читаются в газете материалы под новыми рубри-

ками «Партийная жизнь и перестройка: позиция коммуниста», «Программа «Молоко», «Дороги Нечерноземья», целевые полосы «Семья и школа», «Шаги аренды», «За трезвость» и многие другие.

Много сил, энергии отдали служению районной газете старейшие журналисты А. М. Королев, А. М. Третьяков, Е. Н. Куканова, А. А. Упадышева, полиграфисты П. А. Чекалев, Н. П. Иванова, Г. П. Мелехова, И. А. Трофимова.

Активными общественными корреспондентами являются В. В. Осовская, без которой не выходит ни один выпуск «Искорки», И. А. Брагина, секретарь парткома колхоза «Родина», Г. В. Полягошко, председатель совета ветеранов войны и труда пос. Чуриловка, С. С. Прокошев, юрист-консульт Тотемского лесхоза, Н. И. Брунько, пенсионер, и многие другие.

Добросовестностью, активностью в работе отличаются корреспонденты В. С. Козлова, П. Я. Норин.

Невозможен выход ни одного номера газеты без коллектива типографии. Вместе с редакцией полиграфисты отвечают за качество печати, своевременность доставки газеты читателям. В процессе выпуска «районки» участвуют такие опытные и умелые работницы как линотипистка Ф. В. Женихова, метранпаж Е. А. Шананина и другие.

Товарищи!

Райком КПСС, районный Совет народных депутатов горячо и сердечно поздравляют редакционный коллектив, коллектив типографии с шестидесятилетним юбилеем газеты «Ленинское знамя»! Желаем всем новых успехов в практическом претворении в жизнь планов и задач перестройки, решений XIX Всесоюзной партийной конференции, налаживания тесных связей с читателями, общественными корреспондентами.

Поздравляем с юбилеем всех тех, кто помогает газете быть современной, правдивой, интересной.

С праздником! Счастья, здоровья вам, читатели газеты!

РАЙКОМ КПСС

РАИСПОЛКОМ

Нас поздравляют

Уважаемые товарищи! Примите сердечные поздравления по случаю 60-летия районной газеты «Ленинское знамя»!

Новых вам творческих замыслов и успехов в продвижении перестройки, крепкого здоровья, благополучия и счастья.

КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «ЛЕНИНЕЦ» СОРЕВНУЮЩЕГОСЯ ТАРНОГСКОГО РАЙОНА.

Ветеран войны и труда Б. Д. Попов хорошо знаком читателям нашей газеты. Его выступления всегда актуальны, злободневны и интересны. Первый раз Борис Дмитриевич написал в «районку» в начале пятидесятых годов и с тех пор он — неизменный ее автор.

НА СНИМКЕ: внештатный корреспондент газеты «Ленинское знамя» Б. Д. Попов. Фото А. Сурикова.

● Читатель предлагает

Пусть звучит местный эфир

В 50—60-е годы в целях агитационно-массовой работы с населением широко использовались местные радиопункты. Теперь почему-то такая удобная и простая форма общения у нас забыта.

В Крутой Осыпи и Сондуге насчитывается около полутысячи сотен радиоточек. Местный радиопункт мог бы оказать неоценимую помощь в проведении агитационно-массовой работы в период предвыборной кампании, а также и в повседневной жизни. Итоги социалистического соревнования лесозаготовителей, беседы на медицинские темы, справки, объявления, другую информацию могли бы услышать жители поселка и Сондуги от своих местных активистов. Г. А. Зыкова, начальник почтового отделения, поясняет, что организовать это дело можно, нужен только исправный микрофон, да организатор местных радиопередач.

А. МАРКОВ, рабкор с 1942 г. пос. Крутая Осыпь.

ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЫПУСК

НАЙТИ СВОЕ МЕСТО

В ГАЗЕТЕ «Ленинское знамя», 60-летие которой нынче отмечается, я работал более двух десятков лет. Десять из них был ее редактором.

Мое редакторство совпало с пиком того времени, которое мы теперь называем застойным. Оно не могло не наложить свой отпечаток на содержание районных газет. Модно было заполнять их странными заграничными постановлениями и решениями райкома партии и райисполкома, рекомендациями по осуществлению общезвестных истин. А сколько публиковали обязательств! О выполнении же обязательств никто по сути дела не беспокоился и не нес ответственности за их сплошные провалы. А какова была роль газеты? В ней велась постоянная рубрика «Проверяем выполнение обязательств». В информации под этой рубрикой сотрудники учи-

лись делать из мухи слона, состязались в организации ура-победных авторских корреспонденций. Но в условиях дефицита материальных и духовных благ эти публикации, естественно, не достигали цели.

Пытались ли мы оживить газету? К сожалению, наши попытки не всегда находили поддержку. На моей памяти несколько случаев, когда материалы, горячо одобряемые читателями, служили поводом для вызова редактора «на ковер» в райком партии.

Перестройка обнажила негативные стороны нашей провинциальной действительности. Как мудро гласит русская пословица — «Не гордись званием, а гордись знанием». Убежден, что многие наши беды, и в прошлом, и теперь, связаны с тем, что

некоторые руководители районного ранга и ниже поступают наоборот, по чиновничьи, кичатся своим званием, не обладая минимумом знаний. На первом плане у них личное благополучие. Вот почему стало правилом отфутболивать простых людей, обращающихся к ним со своими нуждами и заботами.

В период подготовки к выборам в республиканский и местные Советы газета призвана найти свое место в предвыборной кампании. На волне растущей общественной активности надо помочь населению района избрать народными депутатами самых достойных. Заскорузлым чиновникам, не могущим самостоятельно решить самого пустякового вопроса, не место в Советах!

На первом Съезде на-

родных депутатов СССР во весь голос было сказано об отсутствии у нас в стране социальной справедливости. Это сплошь и рядом можно наблюдать и в Тотьме. В торговле процветают блат, чиновничество и кумовство, грубость и хамство. Горсовет продолжает небезобидные «игры» со списками очередников на квартиры. Коммунальная служба как была, так и остается глуха к нуждам горожан. К сожалению, тема социальной справедливости слишком робко пробивается на страницы газеты. Желательно видеть такие материалы не только в выпусках народного контроля. И надо без стеснения указывать на стоящих виновников всех этих безобразий. Ведь есть же они!

Мое пожелание коллективу редакции: боль-

ше связи с реальной жизнью района. Называть вещи своими именами. Это созвучно с эпохой гласности и демократии. Новые возможности открываются с принятием Закона о печати.

А. КОРОЛЕВ,
член Союза журналистов СССР.

ПУСТЬ БУДЕТ СВЯЗЬ ОБРАТНОЙ

В редакции районной газеты «Ленинское знамя» работал с марта 1967 года по сентябрь 1971 года на должности заведующего отделом партийной жизни. Я стремился к тесному контакту с партийным и советским активом, с коммунистами и депутатами местных Советов. Укрепляли связь с газетой личные контакты (встречи, беседы). Писали в газету пропагандисты партийной и комсомольской политсети. Помню, не удавалось мне активнее подключить к разговору в газете рядовых коммунистов и комсомольцев. Поэтому стремился чаще бывать в колхозах, лесопунктах, на предприятиях и в организациях. Надеюсь, что коллектив редакции будет все время крепить связи с читателями районной газеты, оперативнее подавать материал.

Б. ЛЕВКОВИЧ,
г. Тотьма.

СЧАСТЬЯ ВАМ, ДРУЗЬЯ!

Хрущевская «оттепель» богата была сюрпризами. Для нас, районных газетчиков, межрайонная газета в 1962 году стала главным из них. Вместо трех-четырех «районков» создавалась одна газета, зато была она органом обкома партии. Кадров в редакции подбирались довольно сильные. В «Ленинское знамя», например, пришли бывшие редакторы районных газет В. М. Чурин, Л. А. Каленистов, А. М. Королев, Н. А. Беляев, В. А. Сергеевский. Мы с Сергеем Багровым тоже были взя-

ты в штат «Ленинского знамени»: он — литературным сотрудником, я — ответственным секретарем.

Без транспорта, по бездорожью, на перекладных и попутках, колесили мы в ту пору по бескрайним просторам Тотемского и Бабушкинского районов, порой недосыпали и недоедали, но все искупалось молодостью и желанием сделать что-то интересное для газеты, для ее читателей. Почти стихийно создавалось тогда тотемское литобъединение, на занятиях которого не-

раз бывал приезжавший частенько в Тотьму Николай Рубцов, тогда еще начинающий поэт. Часто бывали в Тотьме тоже

еще молодые тогда Василий Белов, Феликс Кузнецов, Александр Романов, Виктор Коротаев. Каждый такой приезд оставил след и на страницах газеты — то ли в виде подборки стихов, то ли рассказа.

Годы работы в Тотьме памятные для меня вторые. Здесь родился мой первенец. Здесь я заочно окончил факультет журналистики Ленинградского университета. Здесь написал свою первую повесть «Карьера Ивана Кузьмича», к счастью, нигде не опубликованную. Именно Тотьма, эта «зимняя сказка», по словам Луначарского, дала мне бесценное знакомство и дружбу с выдающимися

людьми современности, среди которых, бесспорно, Николай Рубцов и Василий Белов. Наконец, Тотьма — моя, увы, уже далекая молодость...

Что же пожелать своей родной газете в день ее юбилея? Во-первых, своей позиции, с которой бы не сбивали ни начальственные окрики, ни жизненные передряжки. Во-вторых, здоровья и стальных нервов ее сотрудникам. И, конечно, как можно больше таких материалов, из-за которых можно было бы услышать: «Не знаете, где «Ленинское знамя» достать?».

Успехов и счастья вам, друзья!

В. ЕЛЕСИН.

С РЕДАКЦИЕЙ газеты «Ленинское знамя» связано у меня многое. 1947 — 49 годы. Часто Галина Дмитриевна, моя сестра, принимала с радиоприемника информационный материал районной газеты, т. е. записывала. А меня брала с собой, чтоб было не страшно. Запомнились полный мрак простор за окнами, тишина, яркий свет комнаты, громадный приемник, писк, треск, позывные со всех концов света.

26-ти лет приехал из странствий по Уралу в Тотьму. Устроился работать в «Ленинское знамя» на ставку шопера. Работал месяц. Потом редактор Каленистов, по тем временам вообще-то смелый человек, деликатно попросил меня уйти из газеты.

Возвратился в нее месяца через четыре. Оформили штатным сотрудником. В редакции собрались «осколки» бывших районных газет: Чурин, Сергеевский, Королев. Я работал в сельхозотделе у А. М. Королева. Он меня постоянно баловал, избавив от разных обязательных материалов и сводок. Т. е. я был предоставлен как бы сам себе. Учился писать зарисовки и очерки. Ездил много, побывал во всех уголках района. Жалею,

что много полезного проходило мимо. И все-таки ряд встреч послужил фрагментами для будущих рассказов.

Не было крупной личности, не в смысле ученичества (таковым был В. И. Баранов), а в смысле постижения сути противоречивого бытия. По этой причине многие, если не большинство материалов, были легкомысленны, даже с налетом реалистического романтизма, тогда как

ЗАГЛЯНЕМ В ИСТОРИЮ

надо было ориентироваться на фантастический реализм.

Мне нравилось работать в «Ленинском знамени». И в то же время скучное подминало под себя. А скучное — от неумения выйти за пределы факта. Считаю, что хороший журналист должен работать в газете периодами. Не постоянно: приходит привлекание, понимание, что можно, что нельзя — или постепенное оглушение. Любил и люблю репортаж. И сейчас, в прозе, порой пользуюсь им. Это самая живая, энергичная, интересная связь с жизнью.

К сожалению, газета вела подчиненный образ деяний. Рамки

сужали твои плечи. Плохо и то, что мы уже понимали, что такое запрещение, и никогда не рисковали его игнорировать. Запомнились лица — как живые: Василий Елесин, страстно влюбленный в литературу, поэт, скромник и неудачный жесткий критик. Василий Михайлович Чурин — само добродушие, деликатность и даже какают провинциальная порядочность и щепетильность. Алек-

сандр Михайлович Королев, буксир, тащивший на своих плечах сельскохозяйственно-е газетное дело, умевший быть меньше строгим, чем покладистым и уступчивым. Паша Чекалев — с душой ребенка. Его я незначай однажды обидел, рассказав о нем с насмешкой в стенограмме газете, за что себя казнил. Варзин — что-то в нем было крепко спаяно в единое, однако из отдельных как бы притяжений — житейского, партийного, застойного и учрежденческого, и над всем над этим сохранилось главное — любопытство.

Жалею, что не интересовался тотемской историей. Она — на

каждом шагу. Из каждого окна, палисада, забора, храма глядит душа забытого русского человека. Сколько их осталось во тьме неведения... Если бы я повторил работу в газете, то в первую бы очередь стал выискивать эти родные, безмолвные, никому не видимые лица.

В газете было в какой-то мере приобщение к литературе. Из Тотьмы ездил в Вологду на литературный семинар. Здесь были встречи с С. Видуловым, Ф. Кузнецовым и, конечно, Н. Рубцовым. Работал в газете, учился в Пермском государственном университете, и заочно его закончил 29-ти лет. Правда, университету я не придаю значения. Ибо там ничему не выучился. Потерял только время, и виноваты в этом преподаватели-профессора — схоласти, мракобесы социализма, душители отечественной культуры.

Хорошо, что нынешний состав редакции затеял сделать летопись газеты. Мое честное, даже корыстное предложение — архивный поиск. Поиск дорогих тебе людей, которых нет, но по судьбе они повторяют путь безвестных великомучеников.

С. БАГРОВ.

Из воспоминаний
Листая старые страницы

С газетой «Ленинское знамя» меня связывает большая и длительная дружба. Редакторами этой газеты работали мои товарищи по перу, и многие из них внесли большой вклад в ее становление, старались сделать ее боевым партийным органом, одной из лучших районных газет нашей области. В числе их были Николай Гусев, Михаил Березин, Василий Рудаков, Павел Петухов, Николай Шиница. Номера газеты, подписанные этими товарищами, отличаются хорошим оформлением, содержанием, целенаправленностью.

В шестидесятые годы мне посчастливилось редактировать «Ленинское знамя». Здесь я встретил спянный, грамотный, трудолюбивый коллектив, в котором особо выделялись своей работоспособностью А. Королев, В. Елесин, И. Попов, Е. Кулакова. С ними было легко работать. И сегодня в газете, которая отмечает свой шестидесятилетний юбилей, трудятся хорошие и способные журналисты, такие как В. Дуров, П. Норин, В. Козлова, Е. Галушкин.

В день юбилея принято хвалить юбиляра, говорить о нем теплые и при-

ятные слова. По-моему, «Ленинское знамя» в этом не нуждается. Газета идет в ногу с перестройкой, происходящей в нашей стране, призывает своих читателей на большой и полезный труд, на высокую трудовую дисциплину, на беспощадную борьбу с лодырями, прогульщиками, пьяницами, расхитителями народного добра.

У меня же юбиляру один совет — держите крепче связь со своим авторским активом.

А. ТРЕТЬЯКОВ,
член Союза журналистов СССР.

ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЫПУСК

уйдешь, если просят еще поработать. Вновь до пенсии, но теперь уже персональной. Утомилась душа, утомилось тело, и сердце стало такое плохое. Но надо, видимо, потерпеть. По низкому лбу под самые корни седых волос поднялась кривая морщинка. Анна Власьева вспоминала, видя себя молодой, стройной, в хромовых сапогах и форменной юбке. Кем только она ни была. Помощником прокурора, исполнителем парсуда, старшим следователем отдела... Потом, уже в зрелые годы, когда отработался твердый характер и безошибочный взгляд на людей, стала она судьей. И служить бы ей здесь еще многие годы, да ослабло здоровье, при котором стали ее раздражать процедуры судов, захолустившие разговоры, погода без солнца и особенно эти дороги.

Неожиданно потемнело. Кузнецова вздохнула, увидев, как солнце, плеснув остывающе-желтым лучом, провалилось куда-то за ельнич. От березовой чащи, цепляясь лохмотьями за вершины, неслись торопливые тучи. Хлынул дождь. Сквозь

ва, и Кузнецову приковало это лицо.

Шофер завидовал парню, как удайцу, с кем бы он с удовольствием подружился, посидел бы вечером за столом, а потом, быть может, и к девушкам вместе двинул, к таким бы девушкам, как вон та, с белой косой возле шеи.

Юрий Юрьевич любовался крылами бровей и веселыми складками над губами, полагая, что этот молодой жил размахисто, широко, не зная ни в чем неудач и препятствий.

Сюда же, на этот снимок, смотрела и Кузнецова. Смотрела сначала недоуменно. Черноусый живыми глазами и такой же живой улыбкой напоминал ей мужа Олега, который умер лет двадцать назад, и с тех пор постоянно является в снах, всегда молчаливый, красивый и грустный. Анна Власьева вздрогнула. На душе ее стало тоскливо, как часто бывает при встрече с людьми, которых ты избегаешь. На какие-то две-три секунды ей показались, будто в избе нет ни Рогова, ни шофера, а есть лишь она да узанный он,

лестячкой руки. Руки немелой, но аккуратной, вероятно, любящей чистоту. В глазах Анны Власьевны проблеснуло сочувствие, каким жалеют неправильных и беспутых людей.

— Где хозяйка-то у тебя? — спросила она. — Семья-то где?

— Нету хозяйки, — ответил старик. — Нету семьи.

— Как же так? Ведь должно бы...

— Должно бы, да не было ни того, ни другого.

— Один и живешь?

— Один.

— И не женился?

На правой руке старика разогнулись два пальца. Остальных пальцев не было у него, отчего рука походила на сломанный сук. Сук показывал в сторону фотографий:

— Моя невеста, вон она, с белой косицей. Ждала меня, да дождалась и не смогла.

Анна Власьева предположила:

— За другого замуж пошла?

— Померла...

Старик зажег одну за другой две спички. Перевернув их головками вверх, стал смотреть на поползший огонь.

— Мы ведь к тебе заехали не с плохим. Кстати, звать-то тебя хоть как?

Старик поднялся из-за стола и включил электрический свет:

— Захар Ростиславович!

Он! Никаких сомнений. Анна Власьева отрешенно уткнулась в окно. Там, за мраком ненастья, таился приветливый городок. Забывая теперешнюю себя, Анна Власьева улыбнулась. В груди пробуждалось тихое, теплое, дорогое, что было похоже на ласковый зов. Зов к угасшим былым вечерам, когда вся семья вместе с покойным мужем и мамой собиралась за стол, за которым так весело и уютно пили чай или кофе, играли в лото.

Кузнецова расслышала стук шагов. Отвела глаза от окна и увидела старика в черных морщинистых сапогах и черной рубашке.

— Чего, Анна Власьева, сомутилась? — спросил тот, сделав к ней еще один шаг. — Как в сказочке получилось. Увиданья этого ждал я долго.

Кузнецова привстала и снова уселась. На кончиках губ почти неприкры-

поддаваться влиянию чувств. Надо быть хладнокровной.

— С тобой без нагана-то было нельзя, — сказала она, ощущая, как голос ее постепенно твердеет, — без нагана-то ты бы мог, пожалуй, и скрыться. Было вреда от тебя...

— Да какой же мой вред? Я жалюю жил к людям!

— Не к людям, а к кулакам! — поправила Кузнецова.

Харламов взглянул на нее затравленно и устало:

— Не знаю, что это такое. До сих пор не пойму.

Анна Власьева объяснила:

— А кто агитировал против колхозов? Кто скрывал излишки зерна? Кто в хозяйство работников нанимал? Не твои ли дружки? Твои! А ведь знали они, что их ждет дорожка на выселенье. Не хотели этой дорожки, потому и спешили к тебе. А зачем? — При этих словах Кузнецова окинула взглядом своих спутников по поездке, как бы советуя им повнимательней слушать. — А затем, чтобы ты им подложную справку составил. Да печатью ее подкрепил, да подписью председателя сельсовета.

— Справка-то правила нашим житьем, — сказал, как бы оправдываясь, Харламов и склонил голову над столом.

Кузнецова вздохнула, почувствовав, что хозяин сдает и сейчас, должно быть, уступит ей в споре. Чтобы это ускорить, она сказала полусерьезно-поллушутя, как говорят, когда разговор завершают миром:

— Ты, Захар Ростиславович, я гляжу, несколько не изменился.

— А зачем мне меняться? — промолвил Харламов. — Зачем? — и стукнул так по столу, что на пол посыпались хлебные крошки.

Кузнецова закрыла глаза. Стук кулака отдался ей в сердце, которое заболело и сжалось. Секунду спустя к сердцу прихлынул тяжелый гнев. Захотелось на стук ответить таким же рассерженным стуком. Но Анна Власьева удержалась.

— По этим липовым справкам, — сказала она, обращаясь не столько к Харламову, сколько к Рогову и шоферу, — ушло где-то около двадцати человек. Одного, правда, с помощью Поликтова задержали...

— Поликтова? — спросил, как сговорившись, шофер с прокурором. — А кто он такой?

— Странь! — ответил Харламов, хотя спрашивали не его.

— Активист! Агитатор колхозного строя! — оспорила Кузнецова.

(Продолжение следует).

Сергей БАГРОВ

БАБОЧКА НА СТЕКЛЕ

Рассказ

кусты размывчато различались взошедшие озимые, за которыми, как из воды, подымались пологие крыши. Шофер обернулся.

— Каменный Дор. Может, заскочим? Машина чего-то нагрелась.

— А что! — откликнулся Рогов. — Я бы, к примеру, не возражал относительно чаю. Как, Анна Власьева, вы не против?

— Что ж, — промолвила Кузнецова, радуясь случаю отдохнуть. — раз машина нагрелась, придется, видимо, заезжать...

«Газик» проехал зеленое поле, завернул в первый попавшийся двор и встал плотно к мосткам, на которые с крыши свисали канаты, сбегали две водяные струи. Поднялись по ступенькам в сени, где сильно пахло свежими щечками и смолой.

— Э-э, гости! — раздался веселый голос. Из проема поветей вышел сугорбый старик с седой головой и седой щетиной на подбородке. В руке — небольшой столярный топор.

— Давай проходите! — сказал он, показывая на дверь.

На кухне было просторно. Металась бабочка на стекле. Простенок между окнами украшали четыре ряда любительских фотографий, заключенных в синюю рамку, на углах которой рдели матерчатые цветы. Рука фотографа сохранила, оставив из прошедших времен, мгновение жизни многих жителей этой избы. Сколько разных мгновений смотрело сейчас со стены! Смотрело серьезными лбами мужчин, напряженными взглядами женщин, красавицей с белой косой, лицом черноусого парня с такими радостно-молодыми глазами, какие возможны лишь у счастливых. И шофера, и Рого-

который будто сошел со снимка, неожиданно постарел и вот стоит за ее спиной, со своей седой головой и седой щетиной на подбородке. «Вот так встреча!» — думала Кузнецова. — И зачем заехали в этот дом? Лучше бы дальше. А то совсем бы мимо проехали...»

— Так, ребята! — сказал старик таким властным веселым басом, точно видел перед собой самых близких друзей. — С чего начнем увиданья наше? Может, с беленькой? Есть у меня...

«Забь!» — подумала Кузнецова. — Ах, как было бы хорошо сейчас в городе, дома. Ванну принять. Позабавиться с внуком. Полистать «Крокодил».

— Давайте располагайтесь! — предложил старик. — Выпьем по рюмочке, по другой, глядишь, доброе слово найдется.

Шофер и Юрий Юрьевич вежливо улыбнулись и хотели было забраться за стол. Кузнецова, приметив это, протестующе резко взмахнула рукой:

— Что вы?! Что вы?! Мы не можем такое позволить! Мы на службе! Нельзя!

Наступила неловкая тишина. Кузнецова сняла с себя плащ и уселась на лавку. Прокурор с шофером тоже нашли куда сесть. Старик примостился к столу. Был он в застегнутой наглухо черной рубашке, с большим носатым лицом и губами, с которых смущенно сползала улыбка.

За окном колотил по крапиве дождь и хлопал обрывок крыльчатого рубероида. Кузнецова внимательно осматрелась. Оклеенные листами журналов стены. Пол в дырчатых половиках. Сияющий красной медью кругленький самовар. На лавке рядом с топориком несколько свеклин. На всем лежала печать хо-

Анна Власьева зябко сказала. Зажженные спички напоминали ей огоньки восковых свечей, которые в день смерти мужа ставила рядом с гробом ее двоюродная сестра. Спички погасли, и Кузнецова спросила:

— Сейчас, надо думать, на пенсию вышел? — Нет, я пенсии недостойный.

Анна Власьева простукала по полу каблучком — знак того, что в это она не верит.

— Как же так? Ведь в колхозе работал?

— Разве самую малость. А в общем-то не работал. Не мог заставить себя. Я с ихней линией не согласен.

— С колхозной-то не согласен?

— А как живешь-то ты? На какие средства?

Крутолобое, в длинных морщинах лицо старика сделалось гордым и неприступным:

— Мужикам пособляю! Я плотник. Избы им строю.

— Шабашками занимаешься! — поправила Кузнецова.

— А это уж дело мое. Живу, как умею! — Старик волновался, и говорил поэтому резко, как бы откалывая слово от слова. — Правдой живу!

— Какая же это правда?

В глазах старика сияла мрачная нераскрытость:

— Такая, какой не желаю вам! Моей правдой жить — от людей отбыть...

Не надо бы Анне Власьева задавать ему больше вопросов, ибо не каждый из них мог поправиться старика. Но ей почему-то вдруг показало, что она глубоко ошиблась, что старик вовсе не тот человек, кого она знала по двадцать девять лет.

— Зачем, хозяин, так мрачно? — сказала она.

то заколотился испуг. Секунду он колотился, не больше. И тут по лицу ее растекалась улыбка. Улыбка была защитной, испытанной множество раз, выручавшей в трудных случаях жизни.

— Не помните, Анна Власьева, Захару Харламова, заступника сельской верхушки? А вот он я! Вот он в двух лицах! — Старик вывел руку к стене, направляя ее на ряды любительских фотографий. — Вот он я — молодой! А вот он я — и другой! — Ладонь без трех пальцев процарапала по груди. — Вот он я — на шейств четвертом году от рожденья!

— Да нет, Захар Ростиславович, — сказала сдержанно Кузнецова. — по фотокарточке как раз я тебя и узнала. Внешне ты изменился. А внутренне. Внутренне, вижу, все тем же остался.

Харламов снова уселся за стол, одной рукой гладя колено, второй — погружаясь в заросли белых волос. В наклоне его головы и выжидательном взгляде остуженных глаз ощущалась непримиримость. Однако голос его был вызывающе бодр:

— Молоденькой ты была о ту пору. А, Анна Власьева? А напугала меня. Никого не боялся, отпугим был. А тут извиняюсь. За этим же и столом сидел. А ты там, где и сейчас, в удобеньком уюточке. Строга была. Ух, строга! Помню, просил тебя улыбнуться. А ты вместо улыбки наган достала из кобуры.

Кузнецова с досадой и неприязнью отметила тон, с каким повел разговор Харламов, словно он был во всем тогда прав, а она виновата, и теперь, спустя много лет, он как бы волен ее судить. Да никогда не бывать такому! Однако надо держаться. Глаза у нее потемнели. Как бы ни было обидно, но она не имеет права

В ОДИН из осенних дней 1970 года из вологодского Заозерья, где проходил показательный суд, возвращались судья Анна Власьева Кузнецова и прокурор Юрий Юрьевич Рогов. Там, за двумя перелесками и большим голубичным болотом, в высокоом, под шифером, пятистенке, наверное, рвал сейчас на груди рубаху отец двух дочек и трех сынков, избивший по пьянке свою жену и теперь осужденный за это на два с половиной года. Завтра, чуть свет, его увезут.

«Так тебе, дураку, и надо! — размышлял шофер, выползая с ревущей машиной на залитый солнцем угор. — Нашел кого бить? Собственную жену. Да доведись мне жениться — пальчиком не задену. А тут кулаком! Да хотя бы по мягкому месту. А то по лицу, по глазам, по чему попало. Была бы воля моя, я б таких не на два с половиной!»

Просматривалась впереди щетина недавно скатого поля со стожками соломы и листоватой нависью на межах. Юрий Юрьевич, бледный, в отках, со съезжающей от трясков то на лоб, то на ворот плаща велюровой шляпой, глядел на розовый горизонт и усмешливо думал: «Не процесс, а процессик. Где собирающийся с толка вопрос? Где внезапный свидетель? Где эмоции граждан? Ничего-то нет, ничего. Только и есть: перепуганный дядя с пропойным лицом. И на этого дядю извольте, товарищ Рогов, расстрелять пыл. Слишком просто все. До примитивности. Мне бы дело большого масштаба. Мудренское. Чтобы мозг стонал от нагрузок...»

Размечтавшись, Юрий Юрьевич еще более поблелел и снял слишком часто съезжавшую шляпу. Очки его, мелко приплясывая на носу, повернулись в сторону Кузнецовой.

Анна Власьева, женщина крупная, но с сухой и маленькой головой, по нуру уставилась в шею шофера. Езда на машине укачивала ее, вызывая дорожное утомление. Но не ездить было нельзя: в моду вошли выездные суды, на которых была она главной фигурой. Кузнецова взглянула в окно. Ликовала ранняя осень. На макушках рябин резвились веселые сойки. Тут и там красноглазо моргал шиповник. В низине ручья среди рослой осоки качались зонтики валерьяны. Кузнецова украдкой, чтобы никто не видел, проглотила таблетку.

Кто бы знал, как надоли эти дороги! Целых полвека ездит она по ним. На пенсию бы давно уже можно. Да как

и Кузнецову приковало это лицо.

Шофер завидовал парню, как удайцу, с кем бы он с удовольствием подружился, посидел бы вечером за столом, а потом, быть может, и к девушкам вместе двинул, к таким бы девушкам, как вон та, с белой косой возле шеи.

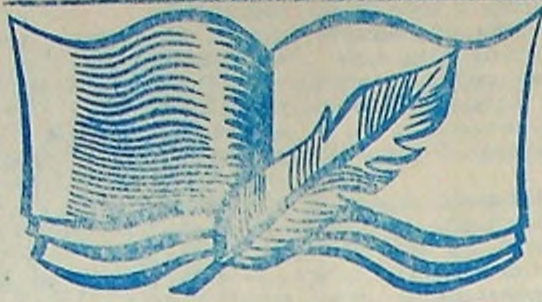
Юрий Юрьевич любовался крылами бровей и веселыми складками над губами, полагая, что этот молодой жил размахисто, широко, не зная ни в чем неудач и препятствий.

Сюда же, на этот снимок, смотрела и Кузнецова. Смотрела сначала недоуменно. Черноусый живыми глазами и такой же живой улыбкой напоминал ей мужа Олега, который умер лет двадцать назад, и с тех пор постоянно является в снах, всегда молчаливый, красивый и грустный. Анна Власьева вздрогнула. На душе ее стало тоскливо, как часто бывает при встрече с людьми, которых ты избегаешь. На какие-то две-три секунды ей показались, будто в избе нет ни Рогова, ни шофера, а есть лишь она да узанный он,

лестячкой руки. Руки немелой, но аккуратной, вероятно, любящей чистоту. В глазах Анны Власьевны проблеснуло сочувствие, каким жалеют неправильных и беспутых людей.

— Мы ведь к тебе заехали не с плохим. Кстати, звать-то тебя хоть как?

ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЫПУСК

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

А. Мартюков

Уроженец Никольского сельсовета. Живет в гор. Великий Устюг, отв. секретарь районной газеты «Советская мысль».

На Родине

Растаял день,
Угас легко и просто
Лазурный свет,
Сиявший над водой,
И затемнел
Высокий полуостров
Во мраке
Озаряемый звездой.
Проходит час,
Как миг тревоги
острой.
И все предстало
В ясности иной—
Уйдет звезда
Исчезнет полуостров,
Но Родина
Останется со мной.
И в поздний час
Под этим темным небом
Я буду спать
В своем простом дому,
Где русский дух,
Где русским пахнет
хлебом.

А это все
По вкусу моему.

Л. Грютнева

Осеннее

Печально дремлют
осиньи
Под низким моим
окном—
Мне скудные эти
картины
Осенним подарены
днем.
А вечером...
Вечером поздним
Под свист
и жужжанье ветров
Поставлю твою
пластинку
С названием
«Вальс цветов».
И зазвучат
в полумраке
Мелодии чудных тонов
Станет легко
и спокойно
В мире витающих
грез...
Все, всем прощу—
поименно.
Память, предай
забытью.
В эту мелодию звуков,
Я как в святыню
вхожу.

А. Короткий

БЕЛЫЕ РОССЫПИ

Половодье снежинок
помчалось:
Засвистел скороход-
ветерок.
Банным паром метель
разгулялась,
Стал мрачнее
малютка-денек.
В снежной пляске
не видно деревни.
По знакомой дороге
иду—
Стороною родимой
и древней.
Снег самумом восстал
на виду.
Быстротечна
метельная пляска!
Нашей зимушки
участь ясна...
Расцветет белолицею
сказкой
Королева природы —
весна!

Далеко-далеко от проезжих дорог
Расположены те деревушки.
Не клубится над ними
их спутник-дымок.
Не живут старички и старушки.
Наступила пора — часть их
в землю легла.
Остальные — в домах престарелых
Все ушли, все ушли
из родного угла.
Нету здесь земледельцев умелых...
Опустели дома. Как сиротки стоят.
Заколочены окна и двери.
И молчанье хранят,

Давний и надежный друг «районки». Живет в дер. Мыс Устьпеченского сельсовета. Его отличают неравнодушные, острый взгляд на происходящее. Пишет корреспонденции, зарисовки и стихи.

Деревушки

и молчанье хранят.
Всю печаль невозможно
измерить...
Кружевная резьба
на старинных домах,
На лугах здесь цветы полевые,
Пенье птицы. Стремительный
крыльями взмах.
И журчат ручейки ключевые.
Здесь дороги пройдут
и дома оживут!
Деревушки наполнятся песней,
Запоют петухи и прославится труд.
Станет жизнь полновесной,
чудесной!

А. Ивин

Родился в дер. Нижняя Печеньга Тотемского района. В середине 70-х работал в нашей газете корректором. В 1981 году закончил Литературный институт им. А. М. Горького. Живет в Москве, лит. сотрудник журнала «Наш современник».

Зимнее утро в деревне

Мороз нарисовал
гравюру на стекле.
Но печь затоплена,
дрова трещат приветно,
Приятно посидеть
в живительном тепле,
И время пролетит
легко и незаметно.
Вновь ожил старый
дом:
дым вьется над трубой,
В нем искры гаснут,
словно микрокосмы.
Скрипит мой старый
дом, и стерегут
покой
Его со всех сторон
собравшиеся сосны.
Вкруг дома моего
вершатся чудеса:
На голый косогор
выходит лось рогатый,
Спит заяц под кустом,
синее небо. —
Я застрахован здесь
от боли и утраты.
Как речка подо льдом,
струится в теле кровь
Дремотная, как годы—
дни проходят.
Идиллия? Да нет,
здесь просто милый
кров.
Румяная заря
и личная свобода.

Как и 200 лет назад...

Фотоотряд А. Суршкова.

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА САХАРОВА

В его судьбе,
такой нелегкой —
Путь испытаний
и хлопот.
Он шел уверенной
походкой
За справедливость
и народ.
Чтоб сохранить
страну родную,
Однажды бомбу
изобрел.
Но, взвесив силу
разрывную,
Борьбу за мир,
как цель, обрел.
Он был ученым
и солдатом
С душою чистой,
как кристалл...
Он был народным
депутатом...
Борцом взшел
на пьедестал.

Г. Макаров

Тотмич. Живет в Вологде. В «Ленинском знамени» работал в 60-е и 70-е годы.

СЛОВО

Поэт,
я знаю цену слову.
Когда жестокое, его
Воспринимаешь,
как окову.
И не желаешь
быть здорову
Себе подчас из-за него.
По слову,
молвленному лживо,
Шли на дыбу
и на костер.
И Пушкин
плакал сиротливо,
И камнем
становилась нива,
И честным
назывался вор.
В устах льстеца
оно звучало
Как серенада.
Между тем
Концы сводились
и начала,
Слышнее
чтобы флейта стала,
И раздавался реквием.
Но слово
есть еще простое,
Как хлеб ржаной
и как вода.
Я с ним в пути
и на постое,
И возжигать ему свечу.

Л. Гончарова

Сокровенное

Вдруг однажды захочется
не поверить мне в правду.
Вдруг однажды захочется
сочинить свой мирок...
Вдруг покажется мне,
что со мною ты рядом,
Не чужой, не суровый,
совсем не далек.
Заиграет пластинка,
и солнце заглянет в окошко,
Мир наполнится музыкой,
светом.

А. Суршков

Родился в Казахстане. Живет в Тотме. В настоящее время и. о. фотокорреспондента нашей газеты.

Аисты улетают...

Последний раз над полем — и опять
тропой незримой вечного кочевья,
над речкой серебрянкой, над деревней,
где в росах льна рябиновая прядь.
В короткой жизни вечные скитанья
так много забирают у души,
а сердце не находит оправданья
потерям, исчезающим в тиши.

